

БОРИС МАШУК

Обида

Рассказ

В будний июльский день, ремонтируя в гараже камеру к колесу «Запорожца», пенсионер Иван Ефимыч погрузился в глубокие думы... Он уже и не помнит, когда у него началась эта привычка к умственному рассуждению о жизни, но как-то получалось само собой: руки делают знакомую работу, а мысли то тянутся плавно, о чем-то хорошем, а то бегут с перескоками да провалами — будто пласты на пахоте целины.

Вот и сегодня, возясь со злополучной камерой, Иван Ефимыч незаметно для себя стал думать, что нет на свете человека, который в свои двадцать лет мог бы сказать, чем он станет к шестидесяти, как будет жить в пятьдесят, чем заниматься в сорок... Не-ет, еще не родился такой провидец...

Конечно, издали можно прикинуть, на что-то нацелишься, исходя из мечты или простого желания. Но это, так сказать, теоретически, а жизнь-матушка может такой фортель на дороге выкинуть, так неожиданно все повернуть, что и удивиться не успеешь...

Вывод этот Иван Ефимыч сделал, исходя из собственного опыта на дорогах-поворотах. Не раз он вспоминал свою молодость, видел себя совсем юным, только что получившим шоферские права и машину АМО. Какие тогда были мечты... Манили его дальние края, длинные тракты на неведомой земле, которую он пройдет, объездит, увидит и узнает.

Что ж, прошел и объездил... Прошел рядовым, а ездил механиком-водителем... И память осталась от той езды: вместо половины левой ноги — железо да хорошей выделки кожа.

Иван Ефимыч поднял седую голову, окинул взглядом безлюдный проезд между гаражами, тополя под окном своей четырехэтажки и даже охнул от удивления: нет, нет, не забыл он! Именно в такой вот июльский солнечный и безветренный день шел тот страшный бой на Курском плацдарме. Последний в судьбе Ивана Ефимыча...

И опять задумчивым взглядом осмотрел он двор, но ни тополей, ни детской площадки с качелями и беседкой, ни скамеечек у подъездов уже не видел солдат... Снова он был в своей тридцатьчетверке — одной из сотен машин, идущих в направлении главного удара. Он не мог знать движения армий, дивизий, положения танковых бригад и мехкорпусов, но опытом военного человека он чувствовал, понимал что сила пошла на силу, что отступить не станет ни одна из них и не многим доведется выйти живыми из такой мясорубки.

Истекая потом в бронированной коробке танка, почти механически делая дело водителя и по радиопереговорам экипажей чувствуя ход сражения, Иван вздрогнул, услышав в наушниках: «Идем на таран. Братцы, прощ...» И тут же он краем глаза увидел, как огненным шаром обрушился танк обреченных на «фердинанд». Умирая, друг выручал, спасал тех, у кого ворочались башни, целы были пушки.

Тучи пыли от гусениц и снарядных разрывов закрывали день и сам солнечный свет. Из этого серого мрака выползали железные громадины, сшибались, рвали друг друга. Управляя огнем и движением, рычал в наушниках лейтенант — командир взвода и танка. Задыхаясь в пороховой гари, они двигались. Смяли еще одну пушку, прострочили траншею. Лавируя, ловя в прицел вражеские машины, давя пулеметные гнезда. Бортом рубанули грузовик и опять шли вперед, не успевая удивляться тому, что еще целы, что мать святая богородица или звезда счастья оберегает их.

Но счастье не бывает безмерным... Страшнейший удар потряс, приостановил танк. Иван не мог знать, что там наверху — в башне. Только через минуту, продолжая вести машину, он услышал матюки, проклятья и стонущий крик лейтенанта: «Башню заклинило!.. Горим, братцы, горим!» И по привычке ли, по инстинкту, Иван выжал фрикцион, потянул рычаг поворота, и так уж получилось, что успел зацепить немецкую самоходку, остановил ее и прижался к борту, обрекая врага на гибель от своего горящего танка.

Из башни к нему сполз лейтенант. Без шлема, черный от копоти. Из его ушей, разбитых губ текла кровь. «Ребят всех, старшина... Люки заклинило, — прохрипел лейтенант. — Выходим через твой!» Прикрывая лица от пламени, они вывалились через передний люк и только теперь услышали грохот сражения, вобравшего в себя разрывы, лязг гусениц и гул моторов, вой снарядов, трескотню автоматов и пулеметов.

Сбивая пламя с комбинезона, Иван откатился от танка. Ворочаясь на земле, он не сразу увидел немца, вышедшего из-за самоходки. Немец в черной одежде танкиста шел, как показалось Ивану, медленно, уверенно, даже спокойно. И так же медленно, глядя холодными водянистыми глазами, он начал поднимать автомат. Перед лицом Ивана были два светлых и чужих глаза, а ниже их — черный ищущий зрачок автоматного дула. И это было все... Выхватить пистолет он просто бы не успел. Не успел и подумать о чем-то важном, существенном, о чем, наверное, думает человек перед смертью. Но и немец не все успел: сбоку к нему метнулся горящий лейтенант с финкой в руке.

Иван не слышал, как и когда подобрали его санитары, куда тащили, везли... Приходя в сознание, он чувствовал боль в голове, видел танки, крутящиеся в странном хороводе, вспоминал лейтенанта, спасшего его и свалившегося с фашиста в смертном дымящем клубке. И снова все уплывало из памяти, снова проваливалось в тарарары.

На фронт Иван больше не вернулся: две пули из автомата того немца разворотили голень, и ногу оттяпали почти от колена. В январе сорок четвертого он приехал в родной город. После того, как малость «оклемался», пошел в эмтээсовскую мастерскую. Поставили его бригадиром на ремонте тракторов. Меньшую половину бригады представляли немощные старики да такие же, как он, увечные с фронта, а большую — фэзэушники да девчонки, часто ревущие около тяжелых, непокорных девичьей силе железяк.

Что поделаешь... Всем и везде было тяжело. А когда всем, то вроде бы и своя боль-обида не такой безысходной кажется. Радости в жизни тоже были. Ну, не радостью ли обернулась для него встреча с Галинкой — чернобровой, упрямой в работе дивчиной? Была дивчина — стала жена. Очень хорошая супруга. Верная, надежная, опористая...

Иван Ефимыч вздохнул, потянулся за папиросами. А вздохнул, подумав о скоротечности жизни. Он и сам не заметил, как из Ивана стал Иваном Ефимовичем. Может, оно еще и потому получилось, что из бригадиров мастерских пригласили его мастером в фэзэушку, ставшую позже училищем. До последнего дня он там и работал, учил подростков водить автомашины и трактора, поднимая молодых на крылья собственного опыта, характера, понимания жизни.

У него получалось. Самые отчаянные с уважением относились к мастеру, раз в году надевавшему боевые награды. Из редких, скупых и обрывчатых рассказов знали ребята, что за четыремья орденами его и тремя медалями — отступление от брянских лесов, два горения в танках БТ, километры боев за рычагами самоходки, отступление к Волге и снова путь на запад, уже на новом Т-34. Штрихами и редко повествуя о войне, мастер, давно прозванный Иваном-солдатом, не забывал сказать, что судьба была добра к нему, потому что рядом шли настоящие люди, с которыми и жить, и воевать легче.

А он и вправду не жаловался на судьбу. Хотя вот сама жизнь перевела его на пенсионную роспись, поставила на ступень вдовца-одиночки. Не жаловался, хотя как же горько бывало от этого! Никогда не думал, даже представить не мог Иван Ефимыч, что он, четырежды раненный, обожженный и контуженный, переживет свою Галинку. Не жаловалась она на здоровье, болела совсем недолго и тихо, незаметно отошла лунной ночью. И не верилось Ивану Ефимычу, что ее уже нет, совсем нет и никогда не будет, и то, что хотел он сказать ей в тот последний час, он уже никогда-никогда не скажет.

Четвертый год живет он, терзаясь над непонятностью случившегося, задумываясь и вспоминая о чем-то недоделанном при ней, недосказанном. Иногда, бывает, спохватится, заспешит, как на знакомый зов, но оглядит кровати, комод, шкафчики с ею расшитыми покрывалами да скатерками и остановится, затихнет с опущенной головой.

На похороны тогда приехали с семьями сын и дочка. Они раньше наезжали с детьми, наполняя квартиру шумом, суматохой, меняя размеренную жизнь стариков. Внулата старались вытащить их в кино, ездили с дедом на «Запорожце» в сады, где пололи, окучивали, собирали

ягоды... Работу делали не через силу, без нытья и принуждения. Радовало это Ивана Ефимыча. Поглядывая на ребят, он светлел лицом, приосанившись, говорил Галинке: «Крепкий замес поднимается... Не белоручки растут!» Жена, мыслям своим усмехаясь, закручивая на затылке жгут из густых волос, говорила в ответ: «У нашей Марины не набалуешь шибко. Отец-то их подполковник, а в дому она — генерал. И сама себя с мальства обихаживать начинала!»

Что ж ты поделаешь... Так и стоит она перед ним с поднятыми руками, с заколкой во рту, с улыбочивым, добрым лицом и все понимающими глазами. Живая стоит...

По-настоящему горе ударило его, когда разъехались гости, когда во всей глубине почувствовал он, что значит оставаться в квартире совсем одному. Днем-то оно еще ничего... То в гараже покопошится Иван Ефимыч, то в сады смотается, забываясь за делом каким-никаким. Вечером иной раз Петрович — заведующий баней и сосед по гаражу — заглянет. А вот ночью... Ночью хоть волком вой. Все в памяти переберется, и все — в прошлом, все — со рвущей душу тоской о невозможности вернуть это... И, себе признаваясь, не знал Иван-солдат, что бы делать ему, если б не ожидание скорого приезда Марининой дочери — Юльки. У внучки кончался срок отработки трудового стажа, собиралась она в местный мединститут поступить, а квартировать, как мать повелела, обязательно только у деда.

И вот теперь живут они вместе. Юлия уже на третьем курсе, днями на занятиях, а ночами еще и дежурит в больнице. Хотя и не так часто, раз-два в неделю, а все же нагрузка. Про себя жалея внучку, удивлялся Иван Ефимыч девичьей расторопности, умению успевать в своих делах, да еще и по дому многое сделать. А еще он удивлялся внучкиной похожести на мать, которая была вылитая Галинка. В Юлии узнавал он черты характера, звуки голоса, даже манеры, жесты покойной жены. А про глаза и говорить нечего: бабкины в них глубина, задумчивость, смешинки и цвет.

Раздумывая над секретами такой схожести, Иван Ефимыч приходил к выводу, что все замешано на родственности крови. «Ну а какое может быть еще объяснение? — рассуждал он. — Каким таким воспитанием можно повлиять на одинаковость душ, отзывчивость и понимание? Ученые толкуют про гены да клетки, а настоящая порода на чистой кровушке держится...»

После таких выводов испытывал Иван Ефимыч чувство горделивости. Если же оно так, а оно так и есть, то, значит, и его доля в Юлькином существе имеется. Дочка Марина от кого? От них, от Ивана с Галинкой... Вот где корень-то! Вот откуда порода начинается. И долго еще не кончится. Выйдет, скажем, Юлька замуж. И опять пойдет произрастать корень Ивана Ефимовича Гордеева. Тут главное, чтобы внучке настоящий парень достался, без трухлявинки, без этих... Без комплексов чтобы...

Доходя в мыслях до внушкиного замужества, Иван Ефимыч огорченно хмурился и вскряхтывал. С этим делом у Юльки затяжка получилась. «Оно конечно, — рассуждал он, — можно и после института, оно так даже и лучше. Замужество, дите — учебе подмога с отрицательным зарядом. Но ведь двадцать второй год пошел человеку... По нынешним временам — уже много. И хотя б на примете держала кого, а то ведь нет. То ли больно строга с кавалерами, то ли деловая такая и слабовольности не позволяет себе... С одной стороны, это хорошо, а с другой?..»

Отсутствие жениха огорчало Ивана Ефимыча. Хотя, правда, провожатые у Юльки иногда появлялись. Прошлой осенью он видел внучку с парнем у входа в подъезд. Других она и на чай приглашала. Да толку-то... Один кавалер по студенческой бедности все на еду нажимал, а другой начал расписывать, как они после экзаменов умудрялись сообразить, как врезывали да балдели... Жуть настоящая!

Слава богу, такие чаевники больше не переступали через порог. И все же в душе Иван Ефимыч недоумевал, почему у внушки нет парня, подходящего для жизни? Девка-то — цены нет! И варить, и шить, и прибрать-постирать — все ей секундное дело. Квартира ведь на ней держится, она ничего и не переставляла в комнатах. Сама решила, что все будет так, как было при бабушке. Ну, не душевный человек? И почему не видят этого женихи современные, охламоны занюханые?

Наверное, в мыслях своих Иван Ефимыч пошел бы серчать и дальше, но прошуршали шины и рядом остановился «Москвич» соседа Петровича. Хлопнув дверцей, тот подошел к распахнутым воротам, поздоровался, постоял, наблюдая, спросил:

— Последствия «улова» исправляем?

— Так точно, товарищ генерал от шайки и мыла...

Петрович усмехнулся ответу, завозился с пуговицей на сорочке, не сходящейся на выпирающем животике.

— Когда, говоришь, коня на обмен?— управясь с пуговицей, спросил он.

— Через три дня. Согласно извещению собеса.

— Новой модели дадут?

— А кто его знает?.. Скажи-ка время, часы, понимаешь, дома забыл.

— Половина пятого.

— Мать честная!— вскинулся Иван Ефимыч, откладывая работу на верстак.— Мне же еще на заправку нужно смотаться. И Юлия просила быть дома к шести...

Петрович усмехнулся:

— Ну, теперь жди выволочку. Она, внучка-то, у тебя строгая...

Виноватясь, Иван Ефимыч глянул на балкон своей квартиры, быстро закрыл гараж... Выруливая в улицу, он с огорчением подумал, что сейчас, к концу рабочего дня, на заправочной будет столпотворение и ему придется простоять в очереди.

Он не ошибся в своих предположениях. С обеих сторон к бензоколонкам тянулись длинные хвосты из самосвалов, бортовых грузовиков, автобусов, автокранов, вахтовок, «уазиков»... Тут же пестрели красками очереди из «Волг», «Москвичей», «Жигулей», «Запорожцев», на суматошность которых с пренебрежительным снисхождением поглядывали из высоких кабин водители-профессионалы.

Держась очереди, Иван Ефимыч медленно продвигался к нужной колонке. Его старенький «Запорожец», который он в шутку называл «броневичком», рядом с «Москвичами» и «Жигулями» выглядел совсем не парадно. Машина была давнего выпуска, но это нисколько не трогало самолюбия Ивана-солдата. Ему же не для шика она и не для того, чтобы за «ягодой ползуникой» в лес ездить, а для дела конь был самый что ни на есть подходящий. Перевозил он и картошку, и овощи-фрукты из сада. Смех сказать, а мешками на «броневичке» Иван Ефимыч навозил перегноя на грядки, под малину-смородину. А что делать? Да и просить не в его характере было.

Вспомнив разговор с соседом Петровичем, Иван Ефимыч невольно вздохнул... Да, собес дает новую машину, а ему вот было жаль расставаться со старой. Много

дорог и колдобин прошли они вместе. Еще с детства полюбив рыбацье уединение, до сего времени не может лишиться он этого удовольствия. Да и за грибами в лето не раз и не два съездит. А пока к нужному месту доберешься, порой не одну мочагу проскочить потребуется, не одну кочку «пузом» машины погладишь, не с одним кустом боками пошоркаешься. И не раз вздыхал он с мольбой: «Ну, родной, выноси, не подведи!» И, обиженно ревя мотором, паруя в лужах трубами выхлопа, «броневичок» выносил, вытягивал, буксуя и заносясь из стороны в сторону.

Бывало, и останавливались, коль ненастная ночь в пути застигала. И тогда включалась «печка», расстилался спальник. По крыше барабанил дождь, за стеклами шумел, посвистывал осенний ветер, а в салоне было светло, тепло и даже уютно. И они были едины — машина и человек. Оба вроде бы понимали, что стоянка временная, а вот отдохнут, взойдет солнышко нового дня, может, и дождь устанет каплями сыпать, ветер дорожку продует-просушит, и тронутся они дальше.

Так было... И это прошлое тоже трогало сердце Ивана Ефимыча. Все же понятно: настоящий человек привыкает к вещи, которую сделал доброй и нужной, не торопится ее менять и расстаётся с печалью...

— Ты, кочерыжка, уснул, что ли?

Задумавшись, Иван Ефимыч чуть припоздал продвигнуться за идущим впереди «газиком», а рядом, целясь к соседней колонке, встал сверкающий лаком и облицовкой новенький «Жигуленок» желтого цвета. Иван Ефимыч включил сцепление, продвинул машину и только тогда посмотрел на белокурого, лет двадцати пяти парня, сидящего за рулем «Жигуленка». Хотел отозваться на грубость, но посмотрел в холеное лицо красавца в белой сорочке, в его глаза, не выражающие ничего, кроме самодовольства, и, промолчав, отвернулся.

Поставив машину у колонки, с талонами в руке, Иван Ефимыч торопливо прохромал к окошку заправщицы. Возвращаясь, он столкнулся с мастером Панкратовым, заменившим его в училище. Но разговаривать было некогда, только поздоровались ладонь в ладонь, улыбнулись друг другу и в разные стороны разошлись.

Передав заправочный пистолет водителю очередной машины, Иван Ефимыч тронул было «броневичок» с места, но со встречной стороны на него надвинулся трехосный ЗИЛ. Глянув через стекло, Иван Ефимыч узнал

в пареньке, сидевшем за рулем тяжелого грузовика, бывшего своего курсанта Сашку Нефедова. «Вот баламут! — беззлобно чертыхнулся он. — Вот торопыга. Каким был, таким и остался!»

Погрозив Сашке пальцем, он укоризненно покачал головой. А тот разулыбался до ушей, дернул за козырек легкомысленной курортной кепчонки и, предупредительно сигналив, начал сдавать назад. Но его машину уже подпирали другие, отъехать удалось на два-три метра. Сашке только и осталось — руками развести.

Нужно было как-то выкручиваться... Насколько можно, Иван Ефимыч подал «Запорожец» вперед, потом, вывернув колеса, начал отъезжать задним ходом. Выруливая среди машин все дальше от колонки, он с трудом выбирался из густоты потока. Оставалось чуть-чуть. Осторожно сдавая назад, Иван Ефимыч уже начал выправлять колеса для прямого движения, но в этот момент почувствовал легкий удар. Резко затормозив, он остановил машину, левой стороной прижавшись к заднему крылу все того же ярко-желтого «Жигуленка». Торопясь, он ступил на разогретый асфальт и увидел идущего к нему хозяина «Жигулей».

— Вот ерунда-то какая, — виноватясь, заговорил Иван Ефимыч. — Я же, понимаете, за каждым сантиметром смотрел... И откуда, как вы подвернулись?

Он хотел пройти дальше, чтобы посмотреть повреждение на чужой машине, но остановился, увидев перед собой суженные злобой, холодные глаза парня с красивым загорелым лицом.

— Смотрел, говоришь? — негромко переспросил парень. — Ну, а это чтобы в другой раз ты лучше смотрел, старая вешалка...

Коротко вскинув руку, тыльной стороной запястья он резко ударил Ивана Ефимыча по лицу. Ударил со стороны здоровой ноги. Не ожидавший такого исхода, Иван-солдат не удержался на протезе и упал бы совсем, не завались боком на капот своего «броневичка». И нет, не от боли в лице, в культе ноги, непривычной к таким перегрузкам, и даже не от обиды, смотрел он удивленными глазами в спину отходящего парня в джинсах с ярким пятном над задним карманом. Видя, как спокойно и уверенно тот открыл дверцу, намереваясь сесть в машину, Иван Ефимыч, когда-то приученный к немедленному действию против врага, метнулся к рулю «Запорожца».

Дальнейшее произошло за секунды... Взревев мото-

ром, юркий «броневичок», без всякой осторожности обдирая ярко-желтую краску, резко сдал назад, к самой стене заправочной. На мгновение приостановился и тут же, рванувшись вперед, будто не видя препятствия, наискосок, скользом ударил в заднюю часть «Жигуленка». Посыпалось стекло, затрещало железо... А «Запорожец», не останавливаясь, повернул на подъездную дорогу.

С бледным лицом, парень выскочил из смятой, изуродованной машины. Одичалыми глазами он осмотрел свою собственность, припав на колени, начал было поглаживать ее руками, но тут же спохватился, вскочил, крича:

— Номер! Кто запомнил его номер?

В ту же минуту на парня обрушился Сашка в курортной кепчонке. Темными от масла руками он сгреб ворот белой сорочки, встряхнул обидчика и, приговаривая сквозь зубы: «Сволочь! Какая же ты сволочь», начал хлестать по загорелым щекам.

Парень оттолкнул Сашку на расстояние удара, но только теперь увидел, что стоит в окружении шоферов. В лицах этих людей — и молодых, и старых, — в их молчании и во взглядах были презрение и тяжелая затаенность.

— Он же первый... Он первый ударил! — закричал хозяин «Жигуленка». — Вы же видели...

— Вот гадина, а? — все еще трясся от возбуждения Сашка, сдерживаемый двумя мужиками. — Вы посмотрите на него!.. Его ударили, а?

— Подонок! — резко проговорил мастер Панкратов. — За царапину на машине посметь такое?!

От ближнего автокрана подошел пожилой шофер. Обтирая ветошью руки, он осмотрел пострадавшую машину, усмехнулся:

— Вообще-то тебе, гусар, повезло...

— Мне? Мне повезло? — взвился парень, совсем обалдевший от происходящего. — Вы видите, видите, что он сделал...

— Да ничего и не сделал... На сто рублей работы да плюс стекло! А повезло тебе в другом... Ты моли бога, что этот мужик сейчас был не на танке.

— Так вы его знаете?

— А как же! — с тем же спокойствием отозвался шофер. — Очень хорошо знаю! — И, теперь уже откровенно зло и насмешливо щурясь, добавил: — Откуда вы только

беретесь на нашей земле? Из каких щелей выползаете?

Еще раз окинув парня презрительным взглядом, шофер не спеша направился к автокрану. Молча, усмехаясь, начали расходиться и остальные. Оставшись один, парень кинулся к заправщице, вышедшей на площадку с метлой в руках.

— Вы не запомнили номер? Вот, тут вот «Запорожец» стоял!

— Ничего я не запомнила, — отмахнулась заправщица. — И не видела ничего. — Но тут же пристально взглянула на парня: — Ты кого обидел, а? Ты на человека, войной искалеченного, руку поднял. Кто же ты есть после этого? Гнида, вот ты кто! И катись отсюда, пока твою телегу в лепешку не смяли...

Ничего этого не знал Иван Ефимыч... Стиснув зубы, с бешено бьющимся сердцем, он торопился домой, не обращая внимания да и не замечая прохожих, с удивлением провожающих взглядами машину со смятым передком, с пустой глазницей на месте разбитой фары. Механически, по давней привычке он перестраивался в рядах, притормаживал на перекрестках, делал все, что требовало движение по городской улице. Его ознобно трясло, а в мыслях всплескивалась сплошная несурязица... То вспоминалось утро сегодняшнего дня, такого светлого, безмятежного, а то свои раздумья за верстаком. Вот промелькнул и Петрович со своей благодушной физиономией и веселыми глазами... Сейчас-то они расширятся от такого вида машины... Но опять и опять... Опять все закрывали другие глаза. Те, спокойно-холодные, ненавидящие, уверенные...

Кровь из разбитой губы все еще стекала, и ее солоноватый привкус вновь приближал глаза парня в джинсах. Определенно Иван Ефимыч их видел. Где-то видел... Может, не эти, но очень похожие. Он пытался вспомнить, что-то восстановить в прошлом, из которого вставали клубы военных пожаров, изуродованные тела машин и людей, всплескивались кустами отдельные взрывы, неслышные за броней танка и в общем грохоте боя. А сколько их было — боев? И сколько раз испытывались им злость и горечь от собственного бессилия перед огромной бедой, от стыда за это бессилие. Стыд до зубного скрежета, до душевного стога.

Сам того не замечая, Иван-солдат вздохнул, почти простонав, и сейчас. И были в этом вздохе сожаление о случившемся, осуждение своего безрассудства... За-

чем, почему он ударил ни в чем не повинную машину — полезное творение рук человеческих? А ударив, почему не остановился? Ведь получается, что он сбежал... Он, ни разу по своей воле не покидавший поля сражения, он, сто и двести раз смотревший в глаза близкой смерти...

И опять мысли шли ворохом... На фронте тоже уничтожались машины, сделанные руками людей. Но там были машины войны, и сам он был солдатом войны. Там другое... А здесь? Почему стоят перед ним эти чужие вражьи глаза? Нет, что-то не то... У врагов он видел разные глаза. Пленные фашисты смотрели на мир и окружающих совсем не так, как смотрели те — еще сильные, здоровые, вооруженные и сытые. Они еще властвовали, калечили, унижали. Они пробуждали ненависть, а ненависть требовала действия, противостояния злу... «Вот я и восстал! — горько усмехнулся над бедой Иван Ефимыч. — Показал себя перед людьми... Ч-черт, до чего же стыдно, до чего же обидно за все... Впору самому на себя в милицию заявить...»

С такими взлохмаченными мыслями и чувствами Иван Ефимыч благополучно добрался до ворот гаража. А здесь все получилось так, как он и прикидывал. С ведром и тряпкой в руке Петрович еще возился около своего лимузина: После взгляда на «Запорожец» лицо его вытянулось, в глазах промелькнули испуг и удивление.

— Как же так, Ефимыч? Где тебя, кто?

Ивану Ефимычу в этот час не хотелось ни говорить, ни тем более объясняться. Он только махнул рукой и заехал в гараж. Поставил машину, выключил зажигание и, не прибрав ничего на верстаке, начал закрывать ворота. Видя состояние соседа, Петрович, в неловкости и виноватости топтавшийся рядом, проговорил:

— Да не журишь, солдат... Во-первых, через три дня тебе новую получать, а во-вторых, тут работы на час-полтора... Постучим вдвоем, подровняем, и будет порядок в танковых войсках...

— Не о том я, сосед...

Иван Ефимыч хотел было сказать что-то еще, но решил не бередить душу глубже и, ссутулясь, сильнее обычного припадая на протез, зашагал к своему подъезду.

Квартира встретила его вкусными запахами жареного. В клеенчатом фартуке, по которому рассыпались невероятно яркие розы, Юлька занималась стряпней, что всегда делала старательно и с любовью.

— Ну, вот и дед появился, — проговорила она, боко-

виной ладони смахнув с бровей колечко волос.— Я уж выглядывала, выглядывала... Кушать сейчас будешь или немного подождешь?

— Не хочется... Я лучше прилягу, отдохну.

Когда Иван Ефимыч прилег на диван, встревоженная Юлька подошла к нему, присела рядом.

— Ты что, деда? Плохо тебе?

— Нет-нет,— отозвался Иван Ефимыч, прислушиваясь к стуку сердца, которому все еще было тесно в груди.— Полежу только малость... Что-то вроде устал...

Юлька посидела с минуту и, поднимаясь, сказала:

— Ну, полежи, полежи... Отдохнешь, а потом и ужинать будем.

Сказала она это легко, с успокоенностью, с которой когда-то в трудные времена вот так же немного-словно, но с душевной заботливостью и теплотой говорила его Галинка. И, уже почти забываясь в дреме, Иван Ефимыч почувствовал облегчение... Да и чего стоила, что значила обидная встреча у автозаправочной, столкновение с мерзостью, если рядом с ним были и есть добрые, всепонимающие внучкины глаза, если есть такие мужики, как Петрович, и есть дом, и есть жизнь, за которую он отдал так много...

